

- блеми у вітчизняній історіографії) // УІЖ. – 2003. – №6. – С.110-118.
5. Пришляк В. Іван Джиджора: життєвий шлях та наукова спадщина // Михайло Грушевський і львівська історична школа: Матеріали засідань і конференцій. - Вип. 1. - Нью-Йорк; Львів, 1995. – С. 193–199; Пришляк В. Україна першої половини XVIII століття в історичних розвідках І.М.Джиджори // Екологія культури: історія, традиції, сучасність. Тези доповідей та повідомлень молодіжної наукової конференції. – Львів, 1990. – С. 106–107; Пришляк В. «...Визначна се була людина» // Тернопіль. – 1992. – №2 (6). – С.38–40; Пришляк В. Михайло Грушевський та Іван Джиджора // До 100 – річчя від початку діяльності М.Грушевського у Львівському Університеті. Доповіді й повідомлення наукової конференції. – Львів, 1995; Пришляк В. Студентські роки Івана Джиджори (1902–1907) // На службі Кліо. Збірник наукових праць на пошану Любомира Винара, з нагоди 50-ліття його наукової діяльності. – Київ, Нью-Йорк, Торонто, Париж, Львів, 2000. – С. 380–392; Кондратюк К., Пришляк В. Джиджора Іван // Довідник з історії України (А-Я) : Посібник для середніх загальноосвітніх навчальних закладів / За заг. ред. І.Підкови, Р.Шуста. – 2-ге вид., доопр. і доповн. – К.: Генеза, 2001. – С.207–208; Пришляк В.В. Джиджора Іван Миколайович (1880-1919) // Українське козацтво. Мала енциклопедія. – Київ: Генеза; Запоріжжя: Прем'єр, 2002. – С.129-130; Пришляк В. Гетьманська Україна першої половини XVIII століття у листуванні Михайла Грушевського та Івана Джиджори (1904–1914 рр.) // Програма III Міжнародного наукового конгресу українських істориків «Українська історична наука на шляху творчого поступу». – Луцьк, 17-19 травня 2006 р. – Луцьк, 2006. – С. 25.
 6. Калакура Я. Українська історіографія в структурі історичної науки // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики [Число 5] / Історіографічні дослідження в Україні [Вип. 10]: Збірка наукових праць на пошану академіка НАН України В.А.Смоля: У 2 ч./ Відп. ред. М.Ф.Дмитрієнко, Ю.А.Пінчук. – К.: НАН України. Інститут історії України, 2000. – С.402-415.
 7. Ковалевська О.О. Олександра Єфименко // Історіографічні дослідження в Україні / Відп. ред. Ю.А.Пінчук. – К.: НАН України. Ін-т історії України, 2002. – Вип. 12: Визначні постаті української історіографії XIX-XX ст. – С. 152–181.
 8. Джиджора І. З нової української історіографії. Олександра Єфименко: Южная Русь, очерки, исследования и заметки, I-II, Спб., 1905 // Записки НТШ. – 1906. – Т.71. – Кн. III. – С. 134-157.
 9. Багалея Д.И. Об ученых трудах А.Я.Ефименко // Записки императорского Харьковского университета. – Харьков, 1910. – С.1–22.
 10. Ясь О. Державницький напрям в українській історіографії та його інтелектуальна спадщина // Історіографічні дослідження в Україні. Науковий збірник. – Вип. 7 (Пам'яті історика України, чл.-кор. НАН України Ф.П.Шевченка. – К., 1999. – С. 286-313.
 11. Горобець В. Присмерк Гетьманщини: Україна в роки реформ Петра I. – Київ, 1998. – 323 с.
 12. Грушевський М. Нова розправа про українську шляхту (задніпрянську) // Правда, 1892. – №1. – С.63-64.
 13. Кудринский Ф. Философ без системы (Опыт характеристики Григория Савича Сковороды) // Киевская старина. – 1898. – № 1. – С.35–63.
 14. Кудринский Ф. Философ без системы (Опыт характеристики Григория Савича Сковороды) // Киевская старина. – 1898. – № 2. – С.265–282.
 15. Кудринский Ф. Философ без системы (Опыт характеристики Григория Савича Сковороды) // Киевская старина. – 1898. – № 3. – С.436–456.

Попов А.Д.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТУРИСТСКОЙ ОТРАСЛИ КРЫМА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (СЕРЕДИНА 1940-Х – СЕРЕДИНА 1950-Х ГГ.)

Актуальность и степень научной разработки темы. Общая картина восстановления экономики Советского Союза после окончания Великой Отечественной войны довольно подробно отражена в отечественной историографии. Вместе с тем, даже в специализированной литературе по истории туризма недостаточно внимания уделено процессу возобновления деятельности региональных туристско-экскурсионных учреждений СССР в первое послевоенное десятилетие. Обобщающие работы Г.П. Долженко, Г.С. Усыскина, Т.А. Дьоровой и В.К. Федорченко содержат некоторую информацию о развитии советского туризма в указанный период [1, с. 118–119; 2, с. 145–155; 3, с. 77–79]. Однако на их страницах нельзя найти системного и подробного анализа хода восстановительных работ в сфере крымского туризма и экскурсионного дела. Специальных исследований по этой теме, написанных крымскими авторами, также не существует.

Цель исследования: дать развернутую характеристику деятельности туристско-экскурсионных учреждений Крыма в 1945–1955 гг.

Задачи исследования:

- Реконструировать процесс возобновления деятельности профсоюзной сети туристских баз и экскурсионных организаций на территории Крымского полуострова после Великой Отечественной войны.
- Проследить маршрутную политику руководящих органов туризма и экскурсионного дела в стране применительно к Крымскому региону.
- Проанализировать количественные показатели работы профсоюзных туристско-экскурсионных учреждений Крыма в первое послевоенное десятилетие.

В апреле 1945 г. возобновило свою работу Туристско-экскурсионное управление Всесоюзного центра-

льного совета профессиональных союзов (далее ТЭУ ВЦСПС), на которое в период с 1936 по 1941 гг. было возложено руководство внутренним туризмом в СССР [4]. Первостепенное внимание решено было обратить на возрождение туристско-экскурсионного дела в Москве и Московской области, Ленинграде и Ленинградской области, Грузинской ССР, Краснодарском крае и на Северном Кавказе, а также в Крыму. Для этого ТЭУ ВЦСПС должно было организовать деятельность в следующих направлениях:

1. Восстановление инфраструктуры (ремонт домов туриста, подготовка необходимого инвентаря, организация подсобных хозяйств для снабжения туристов продовольствием).
2. Методическая подготовка к туристско-экскурсионной работе (уточнение маршрутов, определение новых экскурсионных объектов, разработка материалов для проведения экскурсий).
3. Подбор и подготовка кадров как для туристско-экскурсионной, так и для административно-хозяйственной работы [5, л. 4–5].

Для реализации этих задач в Крыму создается ТЭУ ВЦСПС по Крымской области, которому в 1945 г. было выделено 24,4 тыс. руб. на административно-управленческие расходы (в т.ч. зарплата на 11 штатных единиц), а также 15 тыс. руб. для приобретения различного инвентаря [6, л. 1–3]. Значительно позже, летом 1951 г., было утверждено новое «Положение о Крымском туристско-экскурсионном управлении Центрального туристско-экскурсионного управления ВЦСПС» (далее КрымТЭУ). Согласно Положению на эту организацию, географические рамки деятельности которой ограничивались территорией Крымской области, возлагались следующие задачи:

- Пропаганда и организация туристских путешествий и экскурсий.
- Подготовка советских граждан к сдаче норм на значок «Турист СССР».
- Строительство и содержание туристских и экскурсионных баз, туристских приютов, водных станций, пунктов проката туристского снаряжения, автобаз, подсобных хозяйств и предприятий.
- Методическая разработка маршрутов для туристов и экскурсантов.
- Консультационная работа и издание специализированной литературы, включая справочники, путеводители, проспекты и фотоальбомы.
- Организация курсов и семинаров для подготовки туристско-экскурсионных кадров, проведение тематических выставок и конференций [7, л. 1–2].

Уже к 1946 г. в Крыму была возобновлена деятельность Алушкинского, Алуштинского, Симферопольского и Ялтинского домов туриста (вскоре в официальных документах они вновь стали именоваться турбазами). Для этого пришлось вернуть часть земель и зданий, которые до июня 1941 г. принадлежали КрымТЭУ, однако после начала Великой Отечественной войны были переданы Управлению госпиталями ВЦСПС. Кроме того, в Алушке и Ялте начали функционировать экскурсионные бюро [6, л. 4–5].

Примечательно, что в условиях сложной продовольственной ситуации на протяжении 1945–1946 гг. дома туриста Крыма и Краснодарского края обеспечивали туристов только местом для ночлега, экскурсионной и культурно-массовой программой. Что же касается питания, то туристы вынуждены были самостоятельно покупать продукты и готовить пищу, а в функции домов туриста входило лишь предоставление им для этого кипяченой воды, кухонной и столовой посуды [8, л. 3]. Кроме того, относительно небольшое количество плановых туристов в первые послевоенные годы позволяло за определенную плату организовывать размещение в домах туриста практически всех желающих – участников спортивных соревнований, учебных курсов и научных конференций, членов гастролирующих творческих коллективов и т.п. [9, л. 5].

12 апреля 1946 г. директором КрымТЭУ было утверждено «Положение о домах туриста, туристских лагерях и туристско-экскурсионных бюро», в котором их главной задачей называлось «ознакомление трудящихся с героикой Великой Отечественной войны, социалистическим строительством ..., ростом культуры народов СССР, экономикой, географией, природными богатствами страны ...» [10, л. 1-1об.].

О роли Крымского региона в планах организаторов туристско-экскурсионного дела в Советском Союзе можно судить по данным таблицы 1. Из неё видно, что в первые послевоенные годы наибольший приоритет отдавался развитию туристской инфраструктуры Северного Кавказа и Закавказья, как приморских регионов, менее пострадавших за годы войны. В отличие от них, Крым был сильнее затронут военными действиями, пережил продолжительную оккупацию. Кроме того, социально-экономическую ситуацию на полуострове усугубила осуществленная в 1944 г. массовая депортация представителей крымскотатарского, армянского, болгарского, греческого народов.

Таблица 1. Плановые показатели Центрального Туристско-экскурсионного управления ВЦСПС (далее ЦТЭУ) на 1946 г. [8, л. 5-6].

Территориальное управление	Кол-во объектов размещения	Кол-во мест	%% от общего кол-ва	Кол-во дней обслуживания Туристов	%% от общего кол-ва
Московское	5	850	19,5	58 300	18,8
Ленинградское	1	250	5,7	10 000	3,2
Крымское	4	290	6,7	35 800	11,5
Краснодарское	10	1210	27,7	87 600	28,2
Северокавказское	8	560	12,8	42 900	13,8
Грузинское	8	955	21,9	63 400	20,4
Круиз по Волге	-	250	5,7	12 500	4,1
ВСЕГО	36	4365	100	310 500	100

Однако к 1950 г. в Крыму уже действовало 7 турбаз общей вместимостью около 700 чел. Они распола-

гались в Алуште (150 мест), Алушке (40 мест), на Ай-Петри (30 мест), в Бахчисарае (60 мест), Симферополе (100 мест), Соколином (40 мест) и Ялте (300 мест). Впрочем, практически все они (за исключением Симферопольской турбазы) имели сезонный, а не круглогодичный характер работы. Оборудование их было весьма примитивным. Например, в 1950 г. Соколинская турбаза все ещё не была электрифицирована, здесь отсутствовали душевые, спортплощадка, радиоприемник и другие «блага цивилизации» [11, л. 10; 12, л. 5]. Зато, если верить «Путеводителю по Крыму» 1956 г., на этой турбазе имелся методический кабинет, где туристы могли познакомиться с описаниями различных маршрутов, туристскими картами и схемами, получить консультации по вопросам проведения походов и экскурсий [13, с. 275].

К середине 1950-х гг. появилась новая турбаза на Черной речке (50 мест), а общее количество мест на турбазах Крыма достигло 1110. Однако этот рост достигался не столько за счет постройки капитальных зданий, сколько за счет развертывания на территориях турбаз сезонных палаточных лагерей, в которых и приходилось находиться значительной части туристов (в 1956 г. в таких палатках размещалось до 60 % плановых туристов). Турбазы, находившиеся вдали от моря (Ай-Петринская, Бахчисарайская, Соколинская, Чернореченская), считались учебно-тренировочными. Поэтому посещавшие их туристы участвовали в специальных занятиях, необходимых для получения значка «Турист СССР» [14, л. 17].

Примечательно, что уже в 1950 г. на совещании руководящих работников КрымТЭУ был поставлен вопрос о создании условий для размещения на турбазах самодеятельных туристов, приезжавших в Крым на собственном автотранспорте. Для этих целей предлагалось оборудовать гаражи, стоянки и мастерские непосредственно на территории существующих турбаз [14, л. 10].

Следует отметить, что в период с 1948 по 1957 гг. КрымТЭУ возглавлял человек-легенда, один из руководителей партизанского движения в Крыму А.В. Мокроусов. Те, кто работали с ним в те годы, впоследствии вспоминали, с каким трудом приходилось «выбивать» из централизованных фондов денежные средства и строительные материалы для постройки и ремонта зданий турбаз. Ведь гораздо более приоритетным для народного хозяйства считалось восстановление транспортных коммуникаций и промышленных предприятий. Однако А.В. Мокроусов, имевший большой авторитет среди государственных и партийных деятелей, смог довольно успешно «лоббировать» интересы крымского туризма на весьма высоком уровне. Именно благодаря его усилиям начали функционировать турбазы на Ай-Петри, в Бахчисарае и Соколином, на Черной речке [16].

Пребывание плановых и самодеятельных туристов на всех турбазах страны, находившихся в ведении ЦТЭУ, строго регламентировалось «Правилами внутреннего распорядка», условия которых были довольно суровыми. Например, «Правила» на 1954 г. категорически запрещали туристам:

- 1). Появляться в столовой, туристском кабинете или других местах общего пользования в трусах и майках, пижамах, халатах.
- 2). Выносить из комнат и палаток мебель, постельные принадлежности.
- 3). Разводить костры вне отведенных для этого мест.
- 4). Нарушать покой отдыхающих в часы послеобеденного отдыха, а также после вечернего «отбоя».
- 5). Ходить по газонам, рвать цветы и фрукты.
- 6). Находиться на турбазе в нетрезвом виде, играть в азартные игры.

Нарушители этих правил снимались с маршрута и удалялись с турбазы без всякой компенсации за неиспользованные дни. Кроме того, категорически запрещено было размещение на турбазах лиц моложе 16 лет, даже если они прибыли с родителями [17, л. 1].

Проблему дефицита продуктов питания в тяжелые послевоенные годы на Алуштинской и Бахчисарайской турбазах пытались смягчить путем создания подсобных хозяйств, общая площадь которых составляла около 8 га. На этих землях выращивали зелень и ранние овощи, здесь же находились сады и виноградники. Кроме того, в Алуште, на турбазе КрымТЭУ, в специальных оранжереях росли лимоны и мандарины [18, л. 2об.-4об.]. Однако труд в этих хозяйствах не был механизирован и должным образом организован. В 1955 г., например, убыток от деятельности при базовых хозяйствах КрымТЭУ составил 31,4 тыс. руб. Несмотря на это ЦТЭУ так и не решилось на их ликвидацию, поставив задачу в сезоне 1956 г. «путем проведения агротехнических мероприятий добиться повышения урожайности подсобных хозяйств» [19, л. 1].

Основные плановые показатели работы турбаз Крыма в послевоенные годы представлены в таблице 2. Её данные свидетельствуют о том, что с 1948 по 1955 гг. объемы обслуживания КрымТЭУ плановых и самодеятельных туристов увеличились более чем в 2,6 раз.

Таблица 2. Плановые показатели КрымТЭУ по обслуживанию туристов в послевоенные годы [20].

Год	Объемы обслуживания туристов				Всего (чел./дней)
	Плановые туристы		Самодеятельные туристы		
	Чел.	Чел/дней	Размещение (чел./дней)	Питание	
1948	3 440	48 400	10 600	5 600	64 600
1950	4 650	76 700	16 300	6 300	99 300
1953	6 300	111 400	28 600	12 600	152 600
1955	7 050	132 600	27 400	9 900	169 900

Постепенно восстанавливалась и развивалась разрушенная войной сеть плановых туристских маршру-

тов по Крыму общесоюзного значения. На рубеже 1940-1950-х гг. по территории Крымского полуострова проходило 3 всесоюзных туристских маршрута:

1. Маршрут № 21. Крымский автомобильный (продолжительность – 18 дней). Симферополь – Алушта – Ялта.

2. Маршрут № 22. Крымский горный (продолжительность – 21 день). Симферополь – Бахчисарай – Мангуп-Кале – Соколиное – Ай-Петри – Алушка – Ялта.

3. Маршрут № 23. Ялтинский радиальный (продолжительность 10 дней) [11, л. 26-28].

К 1956 г. в Крыму уже действовало 5 маршрутов плановых путешествий всесоюзного значения. Кроме названных выше начал функционировать ещё один маршрут по горному Крыму (Симферополь – Бахчисарай – Черная речка – Алушта) и Алуштинский радиальный маршрут продолжительностью 20 дней [14, л. 18].

Одним из направлений деятельности КрымТЭУ в рассматриваемый период являлась организация музейных, городских и загородных экскурсий для курортников, неорганизованных отдыхающих, а также местных жителей. Например, Ялтинская экскурсионная база (как в те годы называли экскурсионные бюро) к 1951 г. имела в своем распоряжении 5 автобусов и 13 экскурсоводов. Однако все они привлекались к проведению экскурсий почти исключительно в летнее время, из-за чего рассматривали экскурсионную работу лишь как возможность сезонного заработка. Отсутствие в штате на постоянной основе экскурсоводов и методистов приводило к снижению качества обслуживания экскурсантов. А в методических разработках экскурсионных текстов можно было встретить такие курьезные фразы: «в Гурзуф приезжали представители русского народа – польский писатель Адам Мицкевич, который воспевал свою родину – Литву» [21, л. 3-5].

Несмотря на это из года в год число участников экскурсий по Крыму возрастало. Если в 1947 г. количество экскурсантов, обслуженных КрымТЭУ, составило 70 731 чел., то в 1953 г. оно достигло 276 196 чел. Таким образом, с 1947 по 1953 гг. фактическое количество экскурсантов увеличилось почти в 4 раза [9, л. 5; 22, л. 5].

Постоянный рост количества туристов и экскурсантов вызвал потребность в появлении новой туристско-экскурсионной литературы по Крыму. Однако только в 1956 г. был издан первый послевоенный «Путеводитель по Крыму», подготовленный большим коллективом крымских авторов и отпечатанный тиражом 50 тыс. экземпляров. Помимо справочных сведений о природе, истории, экономике и культуре Крыма, здесь содержались примерные маршруты самостоятельных туристских путешествий и экскурсий по территории полуострова [13]. С начала Великой Отечественной войны и до середины 1950-х гг. в Советском Союзе практически перестали издаваться туристские карты и схемы. Согласно данным историко-библиографического исследования В.Ф. Северинова, первыми послевоенными изданиями подобного рода по Крыму были туристские карты «Южный Крым» (1956 г.), «По Южному Крыму» (1956 г.) и «Крым» (1957 г.) [23, с. 270, 277, 280, 282].

Таким образом, в первое послевоенное десятилетие на территории Крымского полуострова была возрождена сеть туристско-экскурсионных учреждений, выполнявшая те же функции, что и в довоенный период. Крым являлся одним из тех регионов страны, где восстановление туристской отрасли считалось приоритетной задачей. Несмотря на трудности послевоенного времени, такие как дефицит материальных ресурсов, финансовых и транспортных средств, напряженное продовольственное положение в стране, недостаток свободного времени у трудящихся, занятых восстановлением народного хозяйства, объемы предоставления туристско-экскурсионных услуг КрымТЭУ за первое послевоенное десятилетие увеличились в несколько раз. Однако география плановых туристских маршрутов по Крыму и мест расположения туристских баз в рассматриваемый период ограничивалась «четырёхугольником» Симферополь – Алушта – Ялта – Бахчисарай. Совершенно не были охвачены ими Юго-Западный, Западный, Юго-Восточный, Восточный, Северный Крым.

Источники и литература

1. Долженко Г.П. История туризма в дореволюционной России и СССР. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1988. – 190 с.
2. Усыскин Г.С. Очерки истории российского туризма. – СПб.: Герда, 2000. – 224 с.
3. Федорченко В.К., Дьорова Т.А. Історія туризму в Україні: Навч. посіб. – К.: Вища школа, 2002. – 195 с.
4. Об истории крымского туризма в предвоенные годы см.: Попов А.Д. Развитие туристской отрасли Крымской АССР под руководством советских профсоюзов (1936-1941 гг.) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер.: История. – 2005. – Т. 18 (57), № 1. – С. 31-36.
5. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-9520. – Оп. 1. – Д. 21. – 12 л.
6. Государственный архив в Автономной республике Крым (ГААРК). – Ф. Р-3512. – Оп. 1. – Д. 1. – 5 л.
7. ГААРК. – Ф. Р-3512. – Оп. 1. – Д. 35. – 5 л.
8. Там же. – Д. 3. – 10 л.
9. Там же. – Д. 13. – 121 л.
10. Там же. – Д. 5. – 6 л.
11. Там же. – Д. 26. – 30 л.
12. Там же. – Д. 29. – 7 л.
13. Путеводитель по Крыму / Под ред. Я.Д. Козина, П.Н. Надинского, М.Я. Олинского и др. – Симферополь: Крымиздат, 1956. – 456 с.
14. ГААРК. – Ф. Р-3512. – Оп. 1. – Д. 66. – 41 л.

15. Там же. – Д. 25. – 26 л.
16. Колпаков М. Имени Мокроусова // Турист. – 1976. – № 10. – С. 2-3.
17. ГААРК. – Ф. Р-3512. – Оп. 1. – Д. 56. – 1 л.
18. Там же. – Д. 28. – 27 л.
19. Там же. – Д. 65. – 7 л.
20. Источники для составления таблицы 2: ГААРК. – Ф. Р-3512. – Оп. 1. – Д. 15. – л. 2; Д. 26. – л. 2; Д. 49. – л. 2; Д. 61. – л. 1.
21. ГААРК. – Ф. Р-3512. – Оп. 1. – Д. 36. – 12 л.
22. Там же. – Д. 59. – 27 л.
23. Северинов В.Ф. Картографія туризму в Україні (історико-бібліографічний огляд: 1918-1990 рр.) // Туристично-краєзнавчі дослідження. Вип. 3. – К., 2000. – С. 267-282.

Романько О.В.

ГЕРМАНСКОЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО И ПРОБЛЕМА КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Отношение германского военно-политического руководства к проблеме сотрудничества (коллорабационизма) с советскими гражданами является, во многом, ключевой для понимания внешней, оккупационной и национальной политики Третьего рейха.

В советской историографии традиционно преобладала точка зрения, что все нацистские лидеры одинаково положительно относились к использованию против СССР «предателей и изменников Родины». Парадоксально, но и такие известные западные историки, как Дж. Фишер, А. Даллин и А. Алексиев, отмечая наличие в нацистском руководстве различных группировок, в целом, также считали, что их отношение к проблеме использования советских граждан было одинаковым [1].

Поэтому, целью данной работы является показать весь спектр мнений основных групп и течений в германском военно-политическом руководстве по вопросу о сотрудничестве с гражданами оккупированных советских территорий и военнопленными Красной армии. Для этого будут рассмотрены следующие вопросы: основная характеристика группировок нацистского руководства; точка зрения их лидеров на проблему коллаборационизма советских граждан; эволюция этих точек зрения и ее причины на протяжении войны.

Основой успеха оккупационной политики является обеспечение лояльности населения оккупированной территории. Этого можно добиться разными методами, один из которых – привлечение его представителей к сотрудничеству. В связи с этим, немецкую оккупационную политику на территории СССР можно разделить на два этапа.

Проводя оккупационную политику на первом этапе (июнь 1941 – декабрь 1942 г.) немцы в качестве основного ее метода использовали террор и принуждение: пока Вермахт одерживал на фронтах победы, а в тылу еще не развернулось мощное партизанское движение, союзники среди местного населения Гитлеру нужны не были. «Даже если в конкретных обстоятельствах окажется проще обратиться за военной помощью к каким-нибудь завоеванным народам, - заявил он на одном из совещаний, - это будет ошибкой. Рано или поздно они обратят оружие против нас...» [2].

Поэтому, привлечение населения к сотрудничеству было ограничено, в целом, следующими моментами: разрешением на очень урезанное самоуправление и культурную деятельность; использованием «добровольных помощников» при армейских частях или набором контингента в части вспомогательной полиции; и некоторыми послаблениями в сфере торговли и землепользования.

Точка зрения Гитлера была доминирующей и отражала реальные воззрения большинства членов нацистской партии на проведение «восточной» политики [3]. С ней, разумеется, соглашались почти все, во всяком случае, внешне. Однако, несмотря на всю тоталитарность немецкой идеологической машины, существовало, как минимум, еще четыре точки зрения, отличных от мнения Гитлера. В целом, за основу был взят общий тезис: население оккупированных восточных областей надо активнее привлекать к сотрудничеству. Вся же разница этих точек зрения заключалась только в методах, средствах, масштабах и акцентах предполагаемого сотрудничества.

Первую из них назвать политически или идеологически обоснованной позицией довольно трудно. Скорее, эта точка зрения была вызвана к жизни сиюминутным стечением обстоятельств. Тем не менее, не упомянуть ее нельзя, так как на низовом административном уровне роль свою она, безусловно, сыграла. Так, некоторые чиновники и офицеры военной оккупационной зоны полагали, что советские граждане станут лояльнее, если относиться к ним «по-джентельменски». Как правило, это были далекие от политики люди, убеждения которых базировались на опыте первой мировой войны [4].

Следующая точка зрения на «восточную» политику получила в историографии наименование «утилитаризма». От первой позиции она отличалась уже тем, что ее носителем была вполне обособленная (хотя и далеко не единая) группа лиц (как убежденных гитлеровцев, так и не принадлежащих к нацистской партии), которая предполагала действовать по определенной программе. Как уже понятно из самого названия этой группы, идеологии и политики в ее действиях было чуть больше, чем у предыдущей. Главной же целью сторонников политики «утилитаризма» была максимальная польза, которую могла извлечь Германия из со-